

ЭНН ЛЯН

ПЕСНЬ
ЗАТОНУВШИХ
РЕК

INSPIRIA

Москва

ЭНН ЛЯН

ПЕСНЬ
ЗАТОНУВШИХ
РЕК

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л 97

Ann Liang
A SONG TO DROWN RIVERS

Copyright © 2024 by Ann Liang
All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Юлии Змеевой

В оформлении обложки использована иллюстрация Avva Grace
Фото автора: Copyright © Alyssa Liang © Alyssa Liang

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Elna Li / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Фото автора Liang, A. — author photo, free to use, credit Alyssa Liang

Лян, Энн.

Л 97 Песнь затонувших рек / Энн Лян ; [перевод с английского Ю. Змеевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-206820-1

Жители княжества Юэ считают красоту Си Ши благословением. Очарование девушки настолько велико, что она привлекает внимание военного советника Фань Ли. Мужчина предлагает Си Ши уговор: она поможет свергнуть правителя У, спасет жителей своего княжества и отомстит за убийство сестры. Все, что нужно сделать, — проникнуть во дворец врага и ослабить его княжество изнутри, соблазнив безнравственного вана.

Фань Ли поможет Си Ши превратить ее красоту в настоящее оружие. Но, как известно, острый клинок может ранить любого, кто его коснется...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Змеева Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-206820-1 Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА I

Говорят, в день моего рождения дикие гуси падали с небес, разучившись летать, а рыба тонула, разучившись плавать. Даже лотосы в нашем саду затрепетали при виде моего великолепия, устыдились своей невзрачности и преклонили головки. Эти сказки всегда казались мне абсурдным преувеличением, но доказывали неоспоримый факт: рядом с моей красотой меркла сама природа. Такая красота способна убивать.

Вот почему мать наказала никогда не выходить из дома с неприкрытым лицом.

— Ни к чему привлекать лишнее внимание, Си Ши, — предостерегла она и в этот раз, протягивая мне вуаль. Та мерцала и переливалась на полуденном солнце, ослепляя белизной. — Девушкам вроде тебя внимание опасно.

«Девушкам вроде меня».

Эти три слова таили много скрытых смыслов, но я пыталась не задумываться, что они значили на самом деле, пусть они всегда пробуждали во мне старые воспоминания. Краснощекие деревенские тетушки, что однажды

приехали к нам в гости и цокали языками, любуясь моей красотой. «До чего хорошенькая», — пробормотала одна. «Такая красота свергает государства и рушит города». Она задумывала это как комплимент. Другая все хотела познакомиться меня с сыном; тот был в три раза старше меня, лесоруб, как и мой отец, а лицо у него было — что твоя пупырчатая горькая тыква.

— Подойди, — сказала мать.

Я подошла, чтобы она обернула мою голову вуалью. Тонкие мозолистые пальцы завозились с ленточками. Днями напролет она чистила шелк-сырец, а вечерами — ржавые кастрюли. Прохладная завеса коснулась носа, губ и подбородка, укрыв меня от липкого летнего зноя. Мне, верно, нужно было радоваться, что мать так стремилась уберечь меня от посторонних глаз. Мать Чжэн Дань ее чуть ли не по улицам таскала, выставляя напоказ. И не зря старалась: уже семеро из нашей деревни обивали ее порог, принося роскошные подарки и умоляя выйти за них замуж. Чжэн Дань сама мне в этом призналась поздно вечером, с отвращением скривив губы и сжав кулаки.

— Я вернусь до темноты, — пообещала я матери, зная, что та начнет волноваться задолго до сумерек, хотя мы жили на западном краю деревни близко к реке и я всегда ходила на берег одной и той же дорогой.

Но бывало, девушки вроде меня пропадали. Хотя на самом деле с ними случалось кое-что похуже. Но правда звучала слишком жестоко: девушек похищали, убивали, продавали в рабство. Мужчины обменивались ими, как редкими фарфоровыми статуэтками. Теперь это случалось особенно часто, ведь в нашем краю едва затихли отголоски войны, народ стонал под гнетом княжества У,

ПЕСНЬ ЗАТОНУВШИХ РЕК

а измученных солдат осталось слишком мало, и у них находились дела поважнее мертвых девушек.

— Возвращайся как можно скорее, — сказала мать и вручила мне грубую плетеную бамбуковую корзину, доверху наполненную мотками сырца.

Я шагала по деревне, с опаской поглядывая по сторонам. Длинная вуаль щекотала лицо и вскоре намочла от пота и прилипла к коже, зато ткань притупляла неприятные запахи козлиных шкур, земли и сырой рыбы. Большинство деревенских домов все еще лежали в руинах: в стенах зияли рваные раны, растрескавшиеся камни, усыпавшие дворы, напоминали треснутые черепа. Там, где прошли солдаты У, на земле остались черные отметины: еще недавно здесь полыхали пожары, сверкали мечи и проливалась кровь нашего народа. Картины кровопролития по-прежнему стояли у меня перед глазами; мне не хотелось вспоминать о прошлом, но оно неотступно меня преследовало. Порой по ночам над пыльными желтыми дорогами бледнели призраки моих погибших соседей.

Справа скрипнула дверь; я вздрогнула и вернулась в реальность. Из щели доносились голоса. Глухо закашлялся мужчина. Я зашагала быстрее, крепко прижимая корзину к груди.

Как и всегда, сперва я услышала реку и только потом увидела ее. К монотонному журчанию воды присоединялся гусиный клич, доносившийся из зарослей; над голубой рекой разливалось сладостное благоухание. Расступились вязы, и мне открылась изумительная солнечная панорама речного берега. На ветру колыхалась высокая трава, а вдоль кромки воды поблескивали отполированные голыши, похожие на перепелиные яйца в бело-серую кра-

пинку. На реке не было ни души, и я обрадовалась. Мне всегда нравилось звучание моего одиночества и тихий шум собственного дыхания. Находясь среди людей и чувствуя на себе их взгляды, я часто испытывала странное навязчивое чувство, будто мое лицо и тело не принадлежали мне, словно я существую лишь для того, чтобы другие любовались мной.

Я медленно раскрутила первый моток шелка и опустила его в прохладную речную воду. Промыла, считая до трех, отжала, и по запястьям заструилась вода. Моя работа казалась простой, но большинство людей не догадывались, как она трудна. Немытый шелк-сырец царапал кожу, и та вздувалась розовыми нарывами; мытый становился намного тяжелее и оттягивал руки, как мокрая овечья шкура. Я часто прерывалась, переводила дыхание и расслабляла мышцы. Одной рукой растирала нежную кожу над сердцем. В деревне ходили странные слухи: поговаривали, что моя мать мыла шелк на этом самом берегу и с неба на нее упала жемчужина; вскоре она забеременела, и родилась я. В этих сказках я выступала как мифическое существо, даже не человек, зато они объясняли, почему в детстве я так много болела и мучилась от боли в груди, которая порой слабела, но никогда не проходила полностью. Иногда мне казалось, что мое сердце треснуло, и, что бы я ни делала, эту трещину не склеить никогда.

Боль усилилась. Я поморщилась, нахмурилась и уронила шелк, подняв брызги. Попыталась выдохнуть. Когда боль нарастала, противостоять ей было бесполезно; я могла лишь надеяться, что она пройдет. Я схватилась за грудь и вдруг услышала крик.

ПЕСНЬ ЗАТОНУВШИХ РЕК

Кричал ребенок.

«Су Су», — промелькнула мысль, но это было невозможно.

Я выпрямилась и прищурилась. Сердце колотилось от боли и страха. Ко мне приближались две фигуры — растрепанная девочка, тонкая, как прутик, и крупный мужчина. Взглянув на него, я похолодела: черные волосы подстрижены коротко. Так стриглись солдаты У.

Чудовище.

Враг во плоти здесь, в Чжуцзи, в нашей деревне. На нашем берегу.

— Помогите, — вскрикнула девочка, наконец увидев меня. Она едва ли прожила полный зодиакальный цикл: ей было столько же лет, сколько исполнилось бы Су Су, будь у нее шанс повзрослеть. Девочка протянула ко мне тонкие ручки, и я заметила на загорелой коже лиловые кровоподтеки. Они выглядели свежими.

Девочка и ее преследователь подошли совсем вплотную. От меня их отделяло несколько десятков шагов.

«Сделай что-нибудь». Слова звучали в голове, но казались далекими, будто это была чужая голова и чужие мысли. Руки промокли, под ногти забился холодный ил. Зубы стучали. Я огляделась в поисках чего-нибудь или кого-нибудь, но берег был пустынным. Лишь яркое солнце сверкало, отражаясь в реке, гуси летели над горизонтом, а в корзине лежал мокрый шелк.

Девочка споткнулась, завалилась вперед и упала на острые камни. Звук ее падения отозвался в моем сердце, и, хотя упала не я, ее боль передалась мне. Она вскрикнула, но мне почудилось, что кричит другой ребенок. Я уже слышала этот крик — пронзительный, испуганный, расте-

рянный. Крик девочки, которая нуждалась во мне больше всего на свете.

«Су Су, не ходи туда, нам надо спрятаться».

«Послушай меня».

«Вернись».

Время будто раздвоилось, и я увидела сестру, ее испуганные глаза и нежное лицо, в котором сошлось все хорошее, что было в мире. Меч вонзился ей в бок. Она упала...

— Помогите!

Девочка попыталась подняться, но солдат навис над ней, как великан Пангю¹ из древних мифов. Его тень закрыла собой солнце. Он наступил сапогом на край ее дырявой рубашки и прижал ее к земле. Как птичка с пронзенным крылом, она не могла пошевелиться.

— Ах ты, маленькая воровка, — прошипел он, и я явно слышала говор У, отрывистые слоги сквозь стиснутые зубы. — Думала, утащишь грушу у меня из-под носа и тебе ничего за это не будет?

Лицо девочки побелело, как кость, но в глазах, повернувшихся к нападавшему, пылал огонь.

— Всего одна груша.

— Она моя. Тут все теперь наше, — выпалил он и окинул жестом нашу деревню и покатые голубые холмы, что раскинулись за ней. За холмами лежала столица и все княжество Юэ. — Не забывай.

Девочка ответила потоком отборной брани; где она только этому научилась?

— Довольно, — рывкнул солдат и обнажил меч.

¹ В древнекитайской мифологии — первый человек на земле, возникший из вселенского яйца. Здесь и далее — прим. пер.

ПЕСНЬ ЗАТОНУВШИХ РЕК

Резкий металлический лязг пронзил тишину. Я слышала, что У были мастерами кузнечного дела, как и мы; их мечи резали камень и несколько веков сохраняли остроту. Теперь я своими глазами убедилась, что это правда, и сердце в отчаянии сжалось: сверкнуло обнаженное лезвие, смертоносное острие заискрилось на солнце. Один взмах — и меч рассечет кость.

Я вздрогнула и перестала тарашиться. Снова промелькнула мысль, и в этот раз внутренний голос зазвучал громче: «Сделай что-нибудь. Спаси ее».

«Не подведи ее снова».

Я лихорадочно пошарила вокруг и нащупала камень. Тот был не больше яйца, но увесистый и с зазубренным краем. Солдат на меня не смотрел; его взгляд был прикован к испуганной девочке. За миг до того, как он обрушил на нее меч, я бросила камень. Не знаю, на что я рассчитывала; вряд ли задумывала его убить, хотела просто отвлечь, а не покалечить. Но камень ударил его по переносице; та громко хрустнула, и солдат повалился вперед, схватился за лицо и закричал.

Должна признаться, я ощутила мимолетное, но отчетливое удовлетворение и тут же испугалась. Теперь все внимание солдата обратилось на меня. Я не собиралась его убивать, по его лицу было видно, что сам он не погнушается убийством. По его подбородку текла густая кровь, а когда он подошел, кровь хлынула из носа и попала ему в рот. Он отвернулся и сплюнул, вытер лицо левым рукавом и направил на меня правую руку, в которой сжимал сверкающий меч.

— В княжестве У есть поговорка, — сказал он. — Тот, кто сует нос не в свое дело, часто умирает раньше срока.

У меня перехватило горло.

В тот самый миг, ничуть не сомневаясь, я поняла, что умру прямо здесь и сейчас, на этом самом берегу, в месте встречи реки и неба, всего в получасе от дома, где мать дожидалась моего возвращения. Галька похрустывала под его ногами; он приближался. В панике в голову лезли абсурдные мысли; я думала возразить, но все мои протесты казались неубедительными и обрывались на полуслове. «Я слишком молода, я ничего не сделала, чтобы заслужить такую смерть, хотя не всегда доедаю рис и ровно складываю простыни. Я еще не влюблялась, не видела море, нога моя не ступала за пределы деревни...»

Но вселенная не слышала моих возражений. В отчаянии я швырнула в солдата еще один камень, но в этот раз мне не удалось застать его врасплох. Он увернулся, и от следующего тоже; губы растянулись в улыбке, обнажив черные зубы. Он занес меч. Я ощутила холод металла, будто тот уже поцеловал мою плоть и забрал душу.

«Нет, — пронеслась абсурдная мысль. — Еще не время, еще не время...»

Блеснуло лезвие.

Раздался лязг металла о металл. Я моргнула. Странный ветер качнул вуаль, и я не сразу догадалась, что произошло. Кто-то выбил меч из рук солдата, и он не достиг цели. Но откуда взялся второй меч?

Я обернулась, огляделась и увидела ответ на свой вопрос. По берегу к нам приближалась высокая стройная фигура человека, двигавшегося с хищной грацией рыси. За спиной моего спасителя сияло солнце, и за этим сиянием не было видно его лица. Промелькнула мысль, что его

прислали небеса, что это воин из легенд, а может, я умерла и все это мне привиделось.

Но нет, не привиделось. Все вокруг было настоящим и отчетливым как никогда. Густой соленый запах реки смешивался с привкусом крови: от страха я прикусила язык. Фигура чуть повернулась, и теперь свет падал на нее, освещая черты. Я удивилась, увидев молодое, точеное лицо. Все линии были четкими, острыми и гармоничными, а естественный изгиб губ — почти надменным; невозможно было слишком долго смотреть на него, такая красота устрасала.

— Кто ты? — Из горла солдата У вырвался булькающий грубый хрип, он захлебывался кровью. — Откуда вы только беретесь?

— Не смей обращаться ко мне, — спокойно отвечал незнакомец. Его голос соответствовал его наружности и был холодным и тихим, но за этим спокойствием крылась свирепость. Этот голос был подобен смертоносному лезвию меча, скрывающемуся в мягких ножнах.

Лицо солдата перекопилось. Он бросился за мечом, который выпал у него из рук и лежал в траве, схватил его и наставил на чужака.

— Осторожно! — воскликнула я.

Но предупреждения были излишними. Незнакомец скрестил руки за спиной и легко уклонился от удара. Даже выражение его лица не изменилось. Тот же холодный взгляд, те же темные пронизательные глаза, презрительная усмешка, будто все происходящее было для него лишь досадной помехой.

Быстрое движение сбilo нападающего с толку. Он потерял равновесие, отчаянно замахал руками, его тело на-

кренилось оттого, что мощный удар пришелся в никуда. Тяжело дыша, он выровнялся и снова попробовал напасть, в этот раз целясь в неприкрытую шею незнакомца. Но как только он пошевелился, незнакомец сделал то же самое; почти незаметное движение, я бы и не увидела, если бы моргнула. Так продолжалось некоторое время: солдат У напал, перепрыгивал с места на место, бросался на воина, как разъяренный бык, пока его лицо не побагровело, а незнакомец лишь изящно переступал с ноги на ногу, пригибался и уворачивался от ударов, все время держа руки за спиной.

— Кто ты? — повторил солдат, но теперь в его голосе слышался страх.

Незнакомец не ответил. Когда солдат в очередной раз бросился к нему, воин сделал подножку, слегка приподняв ногу, и его противник с грохотом растянулся на земле и выронил меч. Поднять оружие он не успел: незнакомец подошел, взял меч двумя тонкими пальцами и небрежно бросил его в глубокие воды реки. Круги разошлись по воде.

Теперь тишину нарушало лишь хрипкое недовольное дыхание поверженного солдата.

— Уходи, — спокойно произнес воин и отвернулся, взмахнув полами своего одеяния. — Или следующим в реку полетишь ты.

Солдат побледнел, изрыгая сдавленные проклятья; из его крючковатого носа продолжала литься кровь. Шатаясь, он встал, бросился бежать без оглядки и вскоре скрылся среди вязов. Когда его шаги затихли вдалеке, незнакомец наконец повернулся ко мне. Вблизи он был еще красивее, вид его точеных черт повергал меня в смятение, а ясные, пронзительные черные глаза завораживали.